

Этимология шести формально совпадающих тунгусо-маньчжурских праязыковых корней

А. М. Певнов

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия);
pevnov@gmail.com; ORCID: 0000-0002-7421-7777

Аннотация. В данной работе представлены 6 словарных статей составляемого автором «Этимологического словаря тунгусо-маньчжурских языков (праязыковой фонд)». Праязыковые корни в этих статьях формально одинаковы (**dā-*), и задача автора заключается в том, чтобы доказать, что не все эти корни являются омонимами. Автор пришел к выводу о том, что 3 корня со значениями 1. ‘напасть на след, найти след’, 2. ‘впасть (о реке)’ и 3. ‘заразиться’ этимологически связаны друг с другом. Общее происхождение имеют также корни, означающие ‘родственник(и) со стороны матери, жены’, ‘переправиться на другую сторону, на другой берег’ и ‘мера длины, равная максимальному расстоянию между вытянутыми в стороны руками’, причем первоначальным значением этих корней было, вероятно, ‘сторона’.

Ключевые слова: тунгусо-маньчжурские языки, праязык, этимология, словарная статья, корень, семантика.

Etymology of six phonetically identical roots in the reconstructed (Manchu-)Tungusic

Aleksandr M. Pevnov

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); pevnov@gmail.com; ORCID: 0000-0002-7421-7777

Abstract. The Comparative Dictionary of Manchu-Tungusic Languages (Leningrad, Nauka; Vol. I – 1975, Vol. II – 1977) is an ideal basis for compiling an etymological dictionary. The author presents six entries in “Etymological Dictionary

of Manchu-Tungusic Languages (protolanguage fund)” being prepared for publication. Six reconstructed roots in these entries coincide formally (**dā-*), and the purpose of this paper is to find out if the roots are homonymous. The author comes to the conclusion that three roots meaning ‘to come upon the trail’, ‘to flow into (of a river)’ and ‘to become infected’ are etymologically connected to each other. The evidence for the connection between the meanings ‘to become infected’ and ‘to flow into (of a river)’ is that in Ewenki the verb stems *nā-w-* ‘to become infected’ and *nā-ldi-* ‘to flow into (of a river tributary)’ have a common root *nā-*. On the other hand, the Russian translations ‘напасть на след’ (‘to come upon the trails’) and ‘впасть (о реке)’ (‘to flow into (of a river)’) use identical verb root (cf. *напасть* and *впасть*). Consequently, if the meanings ‘to become infected’ and ‘to flow into (of a river)’ are connected to each other and if the meanings ‘to come upon the trails’ and ‘to flow into (of a river)’ are connected to each other, all the three meanings (‘to become infected’, ‘to flow into (of a river)’ and ‘to come upon the trails’) are undoubtedly interconnected as well. As for the roots **dā-* in the words (word stems) with the meanings ‘mother’s or wife’s relative(s)’ (**dā(-)*, **dā-ŋi-ta*), ‘to get across a river or lake’ (**dā-γ-*), ‘a linear measure equal to the distance between outstretched arms’ (**dā-r*), they also have a common origin, and their initial meaning may be reconstructed as ‘side’ (cf. the English translations: *relatives on the maternal side*, *to get to the other side of the river*, *a linear measure equal to the distance between arms stretched aside*).

Keywords: (Manchu-)Tungusic languages, protolanguage, etymology, entry, root, meaning.

1. Введение

История тунгусо-маньчжурской языковой семьи началась с обусловленной внешними факторами «первичной бифуркации» базисного (= пратунгусо-маньчжурского) праязыка — с обособления, с одной стороны, предка языков маньчжурской ветви (М) — чжурчжэньского, маньчжурского и сибинского, а с другой — того «праидиома», который дал начало всем остальным тунгусо-маньчжурским языкам (этот праидиом можно назвать «постпраязыком»). Предполагаю, что постпраязык возник в результате перехода носителей некоего

языка (возможно, неалтайского типа) на базисный тунгусо-маньчжурский праязык; происходил этот переход, вероятно, не раньше двух — двух с половиной тысяч лет назад предположительно в северо-западной Маньчжурии — на территории, прилегающей к восточным склонам северной части хребта Большой Хинган (этот хребет был условной границей двух языковых прародин — тунгусо-маньчжурской и монгольской).

Тунгусо-маньчжурский постпраязык отличался от базисного тунгусо-маньчжурского праязыка весьма существенными изменениями прежде всего в грамматике. Через некоторое время от тунгусо-маньчжурского постпраязыка отделился идиом, ставший предком языков амуро-сахалинской ветви (А) — к ней относятся орокский (уильта), ульчский и нанайский (а также смешанные языки с участием нанайского). Впоследствии наряду с уже существовавшими финальными праязыками М и А образовались еще два: один из них дал начало тунгусской ветви (Т), а другой — сихотэ-алиньской (С); к тунгусской относятся эвенкийский, хамниганский, ороченский, солонский, негидальский, эвенский и арманский языки, в сихотэ-алиньской ветви только два языка — орокский и удэгейский. Таким образом, история тунгусо-маньчжурской языковой семьи включает 7 языковых состояний: 1) базисный праязык МАСТ; 2) промежуточный праязык АСТ (постпраязык); 3) промежуточный праязык СТ; 4) финальный праязык М; 5) финальный праязык А; 6) финальный праязык С; 7) финальный праязык Т.

Работа над двухтомным «Сравнительным словарем тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю» [ССТМЯ 1975, ССТМЯ 1977] началась в секторе алтайских языков Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР в 1961 году. В 2009 г. автор данной статьи на основе этого сравнительного словаря, используя новые материалы, начал составлять «Этимологический словарь тунгусо-маньчжурских языков (праязыковой фонд)» (ЭСТМЯ).

Далее представлен небольшой фрагмент будущего ЭСТМЯ — 6 словарных статей. С одной стороны, это иллюстрация того, как выглядит словарная статья ЭСТМЯ. С другой стороны, эти словарные

статьи выбраны потому, что можно попытаться установить этимологические связи между некоторыми из них.

Словарная статья ЭСТМЯ состоит из заголовка и трех абзацев.

В заголовке приведена праформа и ее значение. В заголовке каждой словарной статьи заглавными буквами в скобках указано, в языках какой ветви имеются рефлексы данной праформы. Если сокращенное название ветви помечено астериском, то это означает, что рефлекс данной праформы можно надежно реконструировать для соответствующего финального праязыка, так как слово представлено во всех языках этой ветви. Если астериска нет, это означает, что слово представлено не во всех языках ветви, и потому реконструкция праформы для финального праязыка менее надежна. Например, запись *А, С, *Т означает, что праформа надежно восстанавливается для финальных праязыков А и Т, но менее надежно восстанавливается для финального праязыка С по той причине, что из современных языков сихотэ-алинской ветви соответствующее слово представлено только в одном — или в ороцком, или в удэгейском.

Праязыковая реконструкция осуществлена в ЭСТМЯ для двух самых ранних смежных временных уровней. Праформы более раннего (базисного) тунгусо-маньчжурского праязыка маркированы двумя астерисками: $^{TM}**dā$, $^{TM}**dā-ŋi-ta$ (М, *Т) ‘родственник(и) со стороны матери, жены’); праформы более позднего пратунгусо-маньчжурского языкового состояния (постпраязыка) отмечены одним астериском: $^{TM}dā-$ (*А, *С, *Т) ‘впасть (о реке)’.

В первом абзаце цитируются материалы «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков» (ССТМЯ), необходимые для праязыковой реконструкции и этимологизации. В этом абзаце (а иногда и в следующем) подчеркнуты сокращенные названия тунгусо-маньчжурских языков, являющихся диагностическими для праязыковой реконструкции: это эвенкийский (обязательно должны быть какие-то западные его диалекты, например, подкаменно-тунгусский), удэгейский (иногда ороцкий), нанайский (в виде исключения может быть ульчский) и маньчжурский. Как видим, диагностические языки представляют все четыре ветви тунгусо-маньчжурской языковой семьи,

причем это такие языки, у которых было меньше контактов с другими тунгусо-маньчжурскими языками. Удэгейский и нанайский в этом отношении уступают эвенкийскому и маньчжурскому. Желательно, конечно, чтобы у диагностических языков вообще не было никаких контактов с родственными им языками, но такая ситуация характерна только для эвенкийского, а точнее, для его западных диалектов, географически весьма далеких от восточных. Так удачно получилось, что лексических материалов по трем диагностическим языкам — по эвенкийскому, нанайскому и маньчжурскому — больше, чем по другим тунгусо-маньчжурским (исключением является эвенский, по которому их также немало).

Второй абзац словарной статьи дополняет первый лексическими материалами, опубликованными после завершения работы над обоими томами ССТМЯ, или же теми, которые были когда-то записаны, но не опубликованы; кроме того, во втором абзаце приводятся формы и значения слов, более или менее существенно отличающиеся от тех, которые даны в ССТМЯ.

Третий абзац — этимологический (в нем могут быть и примечания, уточнения, которые имеют отношение к этимологии).

Тунгусо-маньчжурские слова и аффиксы в ЭСТМЯ и в данной статье транслитерированы латиницей, отражающей транскрипцию кириллицей в ССТМЯ. Обусловленный сингармонизмом и поэтому вполне предсказуемый увулярный характер согласных не отмечается ни в ЭСТМЯ, ни в данной статье (например, $k = \kappa, \text{ʃ}$); следует, правда, сказать, что в восточном диалекте негидальского языка увулярность не всегда связана с сингармонизмом (в западном диалекте увулярные вроде бы вообще отсутствуют, как в эвенкийском языке). В ССТМЯ диакритикой маркировались гласные i, y , употребляющиеся в словах с а-гармонией (относительно более низкий подъем). В ЭСТМЯ и в данной статье отмечены надстрочным знаком гласные $\hat{i}, \hat{u}, \hat{o}^1$ в словах с э-гармонией (относительно более высокий подъем). В праязыковой реконструкции предлагаю различать в анлауте k^1 и k^2 : рефлексом k^1 в нанайском, ульчском и орокском языках является x ,

¹ Соответствует θ в ССТМЯ.

в остальных тунгусо-маньчжурских языках — ноль звука; рефлексом k^2 во всех современных тунгусо-маньчжурских языках выступает k (при этом все или почти все такие слова или заимствованы, или имеют образное происхождение).

2. Образцы словарных статей ЭСТМЯ

тм**dā-* (*А, *С, *Т) ‘напасть на след, найти след’

1. Эвенк. *dā-* ‘выследить (зверя), напасть на след’; эвен. *dat-/č-* (Ол, М, П, Ск) ‘выследить (зверя); преследовать, догонять’; нан. *dāč-i-* ‘выследить (зверя); преследовать, догонять’ [ССТМЯ 1975: 184].

2. Эвенк. *dā-* (Б.) ‘«попасть на след медведя»’ [Shirokogoroff 1944: 26], *dāžāk* ‘место, где найден зверь’ [Василевич 1958: 105]; эвен. *dāč-/t-* ‘1) идти по следу кого-либо; 2) выследить (зверя), напасть на след; преследовать, догонять’ [Новикова 1980: 169]; ороч. *dā-* ‘найти след, напасть на след’, *dāgi-* ‘найти потерянный след’ [Аврорин, Лебедева 1978: 176]; уд. *dāla-* (Им, Смрг) ‘идти следом (за кем-либо)’, *dasi-* ‘идти следом (о собаке) (Им, Кп), сопровождать кого-либо, ходить вместе (Смрг)’, *dasikta-* (Смрг) ‘бегать за чужим хозяином (о собаке)’ [Кормушин 1998: 225, 226]; нан. *dāč-i-* ‘гнаться, погнаться за кем-либо, преследовать, догонять кого-либо’ [Оненко 1980: 142].

3. Возможно, сюда же относится ма. *dari-* ‘«натякаться» (зверь на охотника или охотник на зверя)’ [Захаров 1875: 794], однако непонятно, что представляет собой сегмент *-ri-*.

В [ССТМЯ 1975: 184] со ссылкой на работу Г. Рамстедта сравнивается с п.-мо. *daya-* ‘следовать за кем-либо, чем-либо, преследовать’ и соответствующими основами в других монгольских языках.

тм**dā-* (*А, *С, *Т) ‘впадать (о реке)’

1. Эвенк. *dāptu*, *dāptun* ‘устье реки’, *dāptu-*, *dāptuta-* ‘впадать (о реке)»; эвен. *dāptu-* (Ол, Б, Ох) ‘1) устье (реки, впадающей в море);

2) берег моря»; нег. *dāptu-* (Н) ‘впадать (о реке)’; ороч. *dāta*, *dātan* ‘устье (реки)’; уд. *data* (Хор, Ан) ‘устье реки’; ульч., орок. *dā* ‘устье (реки)’; нан. *dā* (Нх, Бк) ‘1) устье реки; 2) горловина (у посуды); 3) отверстие (вход, выход)’ [ССТМЯ 1975: 197].

2. Эвенк. *dā-* ‘впадать (о реке)’ [Горцевская и др. 1958: 47]; ороч. *data(n)* ‘устье реки, ручья, ключа’ [Аврорин, Лебедева 1978: 177]; сол. *dāt* ‘1. устье реки; нижнее течение реки’ [Do·Dorji 1998: 103]; уд. *dāta* ~ *data* (Хор, Ан, Бик, Им, Кп, Смрг) ‘устье (притоков)’ [Кормушин 1998: 226]; нан. *dā* ‘1) устье реки; горло залива; 2) узкий вход во что-либо, куда-либо’ [Оненко 1980: 130].

3. В работе [Аврорин, Лебедева 1978: 177] гласный первого слога в ороч. *data(n)* ‘устье реки, ручья, ключа’ краткий (в [ССТМЯ 1975: 197] он долгий).

тм**dā-* (*А, С, *Т) ‘заразиться’

1. Эвенк. *dā-* (М, Сх, Тнг, Тт, Урм, Учр, Члм), *dāwuw-* (П-Т, Алд, З, Е, И, Н, Сх, Тнг, Урм, Учр) ‘заразиться’, *dāwki*, *dārī* ‘заразный’; эвен. *dāw-* (Ол, Алл, Арм, Б, М, Ох, П, Ск, Т) ‘заразиться’; нег. *dāp-* (Н) ‘заразиться’; уд. *dā-* (Хор) ‘заражаться, передаваться, приставать (о болезни)’; ульч. *dā-*, *dāri-* ‘заразиться’; нан. *dā-* (Нх, К-У), *dāri-* (Нх) ‘заразиться’ [ССТМЯ 1975: 184].

2. Нан. *dā-* ‘(употребляется в 3-м лице) передаваться другим, переноситься, распространяться — о заразной болезни’, *dāp-* ‘заразиться, быть зараженным’ [Оненко 1980: 130, 139]; уд. *dā-* ‘приставать, прилипнуть (в частности, о болезни), пачкать’ [Шнейдер 1936: 24].

3. — — —

тм***dā(-)* (М, *Т), тм***dā-ŋi-ta* (М, *Т) ‘родственник(и) со стороны матери, жены’

1. Эвенк. *dā* (П-Т), *dāl* (П-Т, И, С, Урм), *dān* (П-Т, З, Е, Н, Сх, Урм) ‘1) родственник по свойству; 2) сват, сваты (отец, мать жениха); 3) род, откуда берут невесту’, *dā-* ‘передать мясо медведя родственникам’, *dāw* (П-Т) ‘обмен девушками-невестами между родами’, *dānən* (П-Т)

‘два человека, породнившиеся в результате обменного брака’; эвен. *dā* (Ол, М, Ох) ‘1) родственник по свойству (старший брат жены, муж младшей сестры); 2) сват, сваты’, *dāŋtʲ* (Ол, Алл, Б, Ох, П, Т) ‘дальний родственник (родня по мужской линии матери — младший брат матери; родня по женской линии отца — ребенок младшей сестры отца)’; нег. *dāŋta*, мн. ч. *dāŋnil* (Н, В) ‘1) родственник по свойству (родня по мужской линии матери; дети братьев жены); 2) медведь’; ма. *dančan* (З., Сиб), *danšan* (Сиб) ‘1) родственник по свойству; родство со стороны матери или жены; 2) сват, сваты’ [ССТМЯ 1975: 183–184].

2. Эвенк. *dān* (мн. ч. *dasa, daha*) ‘1) (П-Т, Н, Е, З, Урм, Сх) сват (прежде — человек из чужого рода); 2) (С, Урм) род, берущий невесту; 3) (Урм) отец или мать жениха, невесты’ [Василевич 1958: 107]; сол. *dāt* ‘род’ [Do·Derji 1998: 103].

3. Приведу соответствующее маньчжурское слово по первоисточнику: «даньчань; родство с матерней или жениной стороны, женин дом» [Захаров 1875: 775]. По-видимому, ма. *dančan* восходит к **dāŋtan*, ср. ма. *ənču* ‘1) другой, иной; 2) отличный, особенный, непохожий’ и эвенк. *huŋtu* ‘1) другой, иной, особый; 2) чужой, неизвестный’ [ССТМЯ 1977: 349–350]. Праформа **dāŋtan*, к которой, вероятно, восходит ма. *dančan*, соответствует эвенскому слову *dāŋtʲ* (Ол, Алл, Б, Ох, П, Т) ‘дальний родственник (родня по мужской линии матери — младший брат матери; родня по женской линии отца — ребенок младшей сестры отца)’, а также негидальскому *dāŋta* («*dāŋ^{*}ma*») (мн. ч. *dāŋil*, в [ССТМЯ 1975: 184] *dāŋnil*), которое обозначает не только родственников по мужской линии матери и детей братьев жены, но также медведя [Цинциус 1982: 209].

Родство со стороны матери или жены у тунгусо-маньчжурских народов связывалось с родством человека с медведем. Именно поэтому в подкаменнотунгусском диалекте эвенкийского языка слово *dā* обозначает родственника по матери, а глагол *dā-* выражает значение ‘передать мясо медведя родственникам’. В негидальском языке, как было уже сказано выше, слово *dāŋta* («*dāŋ^{*}ma*», мн. ч. *dāŋil*) обозначает не только родственников по мужской линии матери и детей братьев жены, но также медведя [Цинциус 1982: 209]. «Свежевание медведя и его шкуры свойственником, вручение первого куска с медвежьей

головы самой старой женщине, слово *давун*, произнесенное во время трапезы, — все эти факты свидетельствуют о зарождении обряда в период материнской родовой организации и о том, что этот обряд вначале был обрядом двух родов, связанных взаимобрачными отношениями» [Василевич 1969: 238] (подчеркнуто мной. — А. П.).

™**dā-γ-* (А, Т) ‘переправиться на другую сторону, на другой берег’

1. — — —

2. Эвенк. *dāγ-* (П-Т, Н, Е, И, С, В-Л) ‘1) перейти, переехать через реку’ [Василевич 1958: 103]; нан. *dāwān-* ‘послать на другой берег, на другую сторону; сделать так, чтобы кто-либо переправился на другой берег, на ту сторону’, *dāwo-* ‘переправить на другой берег, на другую сторону кого-либо, что-либо’; ср. также нан. *dagbori-* ‘переправить кого-либо или что-либо на чем-либо (напр. через реку, озеро)’ [Оненко 1980: 132].

3. Маньчжурскую основу *doo-* ‘переправляться, переезжать, переплывать, переходить (через реку)’, приведенную для сравнения в [ССТМЯ 1975: 187] в словарной статье «ДĀŸ- перебраться», вряд ли можно с учетом известных звуковых соответствий возводить к ™**dā-γ-*.

В [ССТМЯ 1975: 187] в словарной статье «ДĀŸ- перебраться» объединены этимологически не связанные друг с другом глагольные основы: одну их них можно реконструировать как ™**dā-γ-* ‘переправиться на другую сторону, на другой берег’, а другую, заимствованную в тунгусо-маньчжурский праязык из прамонгольского, как ™***daba-* ~ ™***dabu-* ‘перевалить через гору; перейти через горный хребет; переправиться на другой берег’ (рефлексы варианта ™***daba-* даны в [ССТМЯ 1975: 185–186] в словарной статье «ДАВА-перевалить», а рефлексы варианта ™***dabu-* помещены в словарную статью «ДĀŸ- перебраться»).

Что касается сегмента ™*-γ- в основе ™**dā-γ-* ‘переправиться на другую сторону, на другой берег’, то ср. ™***tū-γ-* ‘упасть’, ™***tō-γ-* ‘подняться (на что-либо)’, ™***iā-γ-* ‘узнать (забытое, виденное ранее)’, ™***k’ā-γ-* ‘пристать, причалить’, ™***nā-(γ-)* ‘попасть в цель (например, о стреле), наткнуться (на что-либо)’ (общим для этих

глаголов является достижение контрастного результата; интересно, что все основы состоят из одного слога).

ТМ***dā-r* (М, *А, *С, *Т) ‘мера длины, равная максимальному расстоянию между вытянутыми в стороны руками’

1. Эвенк. *dār*, *dārikta*, *dārin* ‘сажень (маховая, ручная — мера длины, равная расстоянию вытянутых в стороны рук)’, *dārinivčā* ~ *dārinipčā* ‘вытянутый в сторону (о руках)’, *dārinčā*- (Д) ‘стоять с вытянутыми в стороны руками’; эвен. *dār* (Ол, Б, М, Ох, П) ‘сажень (маховая, ручная)’, *dārʷpki* (Ол) ‘растянув руки в стороны’; нег. (Н, В), ороч., уд. *dā* (Хор) ‘сажень (маховая, ручная)’; ульч. *dā* ~ *dāl* ‘сажень (маховая, ручная)’; нан. *dā* ~ *dār* (Нх, Бк, К-У) ‘сажень (маховая, ручная)’; ма. *da* ‘сажень (маховая, ручная)’ [ССТМЯ 1975: 198].

2. Сол. *dār* ‘мера длины, равная расстоянию между вытянутыми в стороны руками’ [Do·Dərjǝ 1998: 103]; эвен. *dārkan*- ‘расправлять крылья (о птице)’ [В. А. Роббек, М. Е. Роббек 2005: 89]; ороч. *dā(g)* (вин. пад. *dābba*) ‘ручная сажень’, *dāwi*- ‘измерять ручной саженью’ [Аврорин, Лебедева 1978: 176]; орок. *dāri*- ‘измерять’ [Kegami 1997: 38].

3. Сегмент ТМ***-r* в слове ТМ***dā-r* ‘мера длины, равная максимальному расстоянию между вытянутыми в стороны руками’ выражал, вероятно, грамматическое значение (множественное число). Такое предположение основано на том, что в тунгусо-маньчжурском базисном праязыке в исходе основы слова реконструируются только согласные **n*, **r*, **l*, **γ*, при этом все они имели грамматическое значение (у сонантов **n*, **r*, **l* оно было связано с количественной стороной предметов или действий).

3. Этимологические связи между приведенными словарными статьями

Наличие шести корней-омонимов в тунгусо-маньчжурском праязыке (как в базисном, так и в постпраязыке) маловероятно, поэтому

следует искать этимологические связи между словарными статьями, приведенными в предыдущем разделе.

Корни ${}^{\text{TM}*}d\bar{a}$ - ‘напасть на след, найти след’, ${}^{\text{TM}*}d\bar{a}$ - ‘впадать (о реке)’ и ${}^{\text{TM}*}d\bar{a}$ - ‘заразиться’ вполне могут быть связаны между собой этимологически, ср. эвенкийскую основу с показателем пассива $n\bar{a}$ -w- ‘заразиться, заболеть всей семьей’ с эвенкийской же основой с аффиксом совместного залога $n\bar{a}$ -l $\bar{d}\bar{i}$ - ‘1) выпасть (о притоке); 2) сойтись, встретиться’ [Горцевская и др. 1958: 115, 116]. У этих двух основ общий корень $n\bar{a}$ - ‘1) удариться (обо что-либо); 2) ткнуться (во что-либо); 3) упасть; 4) деться (куда-либо)’ [Горцевская и др. 1958: 115]² — это служит доказательством наличия этимологической связи между корнями ${}^{\text{TM}*}d\bar{a}$ - ‘впадать (о реке)’ и ${}^{\text{TM}*}d\bar{a}$ - ‘заразиться’. Далее, сравним русск. *впадать* (о реке)³ и *напасть* (на след); наличие этой пары однокоренных глаголов в русском языке можно считать доказательством того, что корни ${}^{\text{TM}*}d\bar{a}$ - ‘впадать (о реке)’ и ${}^{\text{TM}*}d\bar{a}$ - ‘напасть на след, найти след’ этимологически связаны друг с другом⁴. Но если, с одной стороны, ${}^{\text{TM}*}d\bar{a}$ - ‘впадать (о реке)’ и ${}^{\text{TM}*}d\bar{a}$ - ‘заразиться’ этимологически связаны между собой, а с другой, — ${}^{\text{TM}*}d\bar{a}$ - ‘впадать (о реке)’ и ${}^{\text{TM}*}d\bar{a}$ - ‘напасть на след, найти след’ также этимологически связаны друг с другом, то можно сделать вывод: ${}^{\text{TM}*}d\bar{a}$ - ‘заразиться’ и ${}^{\text{TM}*}d\bar{a}$ - ‘напасть на след, найти след’ также имеют общее происхождение. Иначе говоря, корни ${}^{\text{TM}*}d\bar{a}$ - ‘впадать (о реке)’, ${}^{\text{TM}*}d\bar{a}$ - ‘напасть на след, найти след’ и ${}^{\text{TM}*}d\bar{a}$ - ‘заразиться’ не являются омонимами.

В майском и тоттинском говорах «аянского диалекта», а также в урмийском говоре амгуньско-урмийского диалекта эвенкийского

² В словаре [Василевич 1958: 273] приведены несколько иные значения: $n\bar{a}$ - ‘1) удариться (обо что-либо); 2) ткнуться (во что-либо); 3) попасть (в цель — о пуле); 4) упасть (о лучах солнца)’.

³ Интересно, что в английском языке многозначный глагол *to fall* может иметь значение ‘впадать (о реке)’.

⁴ Значения ‘наткнуться, напасть на след, заметить след’ и ‘впасть (о реке)’ в словаре, в котором представлена лексика главным образом эвенков бассейна Подкаменной Тунгуски, даны как значения одного слова ($d\bar{a}$ -) [Горцевская и др. 1958: 47].

языка есть глагольная основа *dāw-* ‘попасть под дождь’ [Романова, Мыреева 1968: 39] (суффикс *-w-* является показателем пассива). В переводе на русский язык мы видим глагол с тем же самым корнем, так что использованный выше прием семантического доказательства позволяет считать эвенкийскую основу *dāw-* ‘попасть под дождь’ этимологически связанной с корневыми основами ^{TM*}*dā-* ‘впадать (о реке)’, ^{TM*}*dā-* ‘напасть на след, найти след’ и ^{TM*}*dā-* ‘заразиться’.

По отношению к трем другим словарным статьям (^{TM**}*dā(-)* (M, *T), ^{TM**}*dā-ŋi-ta* (M, *T) ‘родственник(и) со стороны матери, жены’, ^{TM*}*dā-γ-* (A, T) ‘переправиться на другую сторону, на другой берег’, ^{TM**}*dā-r* (M, *A, *C, *T) ‘мера длины, равная максимальному расстоянию между вытянутыми в стороны руками’) также можно применить метод, который был использован для первых трех. В переводе на русский язык, как видим, имеется слово *сторона* — оно является ключевым для обоснования семантической связи между этими тремя словарными статьями.

Корень ^{TM**}*dā(-)* ‘родственник(и) со стороны матери, жены’ связан с представлением об одной из двух сторон, контактирующих друг с другом на основе брачных отношений. Что касается семантической связи ‘родственники по браку’ ↔ ‘сторона’, то аналогии есть в индоевропейских языках: родственники по линии отца и родственники по линии матери находятся как бы по разные стороны, в разных, противоположных сторонах — рус. *дядя со стороны матери*, англ. *relatives on the paternal side* ‘родственники по линии отца, со стороны отца’, фр. *un parent du côté de mon père* ‘родственник со стороны моего отца’, исп. *pariente del lado paterno* ‘родственник со стороны отца’.

Итак, ^{TM**}*dā-* ‘родственник(и) со стороны матери, жены’, ^{TM*}*dā-γ-* ‘переправиться на другую сторону, на другой берег’ и ^{TM**}*dā-r* ‘мера длины, равная максимальному расстоянию между вытянутыми в стороны руками’ объединяет значение ‘сторона’. О том, что корень ^{TM**}*dā-* первоначально имел значение ‘сторона’, свидетельствует этимология, например, эвенкийского суффикса *-gidā*, означающего ‘сторона’ (*tar-gidā* ‘та сторона’, *bar-gidā* ‘противоположная сторона, другая сторона реки или озера’ и т. д.). Интересно, что значение ‘сторона’ в эвенкийском языке (а также в некоторых других

тунгусо-маньчжурских) лексически не выражается — только морфологически. Эвенкийский суффикс *-gidā*, имеющий соответствия в собственно тунгусских языках (например, в негидальском, эвенском), является составным, его первый компонент (*-gi-*) представляет собой рефлекс праязыкового $TM^{**}gī$ ($TM^{**}gia \sim TM^{**}gua$) ‘другой (из двух)’. Что касается второго компонента (*-dā*), то он, исходя из сказанного выше, мог иметь значение ‘сторона’. Компонент *-dā* в суффиксе *-gidā* был избыточным, поскольку в эвенкийском языке *bargidā-* и *bargī* имеют одно и то же значение — ‘противоположная сторона’ [Мыреева 2004: 77] (отсутствие долготы гласного *i* в суффиксе *-gidā* пока необъяснимо — но если бы он был этимологически кратким, он бы просто выпал в данной позиции).

В принципе допустима этимологическая связь первой тройки ($TM^{*}dā-$ ‘напасть на след, найти след’, $TM^{*}dā-$ ‘впадать (о реке)’, $TM^{*}dā-$ ‘заразиться’) со второй тройкой ($TM^{**}dā(-)$, $TM^{**}dā-ŋi-ta$ ‘родственник(и) со стороны матери, жены’, $TM^{*}dā-γ-$ ‘переправиться на другую сторону, на другой берег’, $TM^{**}dā-r$ ‘мера длины, равная максимальному расстоянию между вытянутыми в стороны руками’).

Не исключено, что корень $TM^{**}dā-$, к которому могли бы восходить шесть указанных корней, выражал идею контакта в самом общем виде. Ближе всего к такой семантике находится одно из значений эвенкийской основы с каузативным показателем: *dā-wkān-* — ‘соединить’ [Василевич 1958: 102]; реконструируемое значение без каузативного показателя — ‘соединиться’ (очевидно, это соединение двух начал, двух сторон).

В заключение хотелось бы сказать о наличии интригующей параллели в тюркских языках.

Весьма вероятно, что $TM^{**}dā(-)$ ‘сторона’ имеет отношение к тюркскому $*jā-$ (< $*dā-$) ‘сторона’. В древнетюркском языке рефлексы корня $*jā-$ ‘сторона’ представлены, в частности, в словах *jaq* ‘сторона’ (< $*jā-q$), *jaŋaq* ‘сторона; щека’, *jan* ‘1. сторона, бок; 2. бедро’ (< $*jā-n$), *jaγi* ‘враг’ (< $*jā-γi$), *jat* ‘1. чужой, посторонний; 2. чужая страна, чужбина’ (< $*jā-t$), *jan-* ‘возвращаться’ (< $*jā-n-$), *jana* ‘1. снова, опять; 2. еще’ (первоначально деепричастная форма глагола *jan-* ‘возвращаться’), *janīγ* ‘ответ, ответное действие’ (*-iγ* является фонетическим вариантом словообразовательного суффикса существительных).

Судя по работе [Этимологический словарь тюркских языков 1989: 56, 82, 112, 113, 138, 158], все приведенные тюркские слова с большей или меньшей вероятностью имеют общий корень **jā-* («*йа:*-»).

Л. С. Левитская — автор интересующих нас словарных статей — сравнивает одно из производных от этого корня (слово *йагы* с архаичным по Х. Педерсену значением ‘чужой’) с эвенк. *дāн* ‘сват’, ‘человек из чужого рода’, ‘род, откуда берут невесту’ [Этимологический словарь тюркских языков 1989: 56].

Если сравнение тунгусо-маньчжурского ***dā(-)* ‘сторона’ и тюркского **jā-* (< **dā-*) ‘сторона’ является верным, то оно может быть весьма существенным для алтаистики, поскольку и тюркский корень, и тунгусо-маньчжурский вряд ли были заимствованы — хотя бы потому, что эти корни очень глубоко «проросли» в лексике языков обеих семей.

Список условных сокращений

англ. — английский язык; исп. — испанский язык; ма. — маньчжурский язык; нан. — нанайский язык; нег. — негидальский язык; орок. — орокский (уильта) язык; ороч. — ороцкий язык; п.-мо. — монгольский письменный язык; рус. — русский язык; сол. — солонский язык; уд. — удэгейский язык; ульч. — ульчский язык; фр. — французский язык; чж. — чжурчжэньский язык; эвен. — эвенский язык; эвенк. — эвенкийский язык

Территориальные варианты тунгусо-маньчжурских языков

(по [ССТМЯ 1975: XXIV–XXV], а также по [Мыреева 2004: 14; Кормушин 1998: 201])

Маньчжурский язык

З. — слово из словаря И. Захарова, Сиб — сибинский диалект (язык)

Нанайский язык

Бк — бикинский говор, К-У — кур-урмийский говор (по-видимому, это смешанный язык. — А. П.), Нх — найхинский говор

Негидальский язык

В — верхнеамгуньский говор, Н — нижнеамгуньский говор

Удэгейский язык

Ан — анойский говор, Бик — бикинский говор, Им — «форма из записей речи удыхейцев с р. Иман», Кп — «форма из записей речи удыхейцев с р. Коппи», Смрг — самаргинский говор, Хор — хорский говор, Ш. — «этой помете соответствуют собранные в основном на р. Хор материалы из словаря Е. Р. Шнейдера» (в кавычках цитаты из работы [Кормушин 1998: 201])

Эвенкийский язык

Б. — диалект (говор) бираров (по словарю [Shirokogoroff 1944]), Алд — алданский говор восточного наречия, В-Л — верхоленьский говор южного наречия, Д — дудинский говор северного наречия, Е — ербогочёнский говор северного наречия, З — зейский говор восточного наречия, И — илимпийский говор северного наречия, М — майский говор восточного наречия, Н — непский говор южного наречия, П-Т — подкаменнотунгусские говоры южного наречия, С — сымский говор южного наречия, Сх — сахалинские говоры восточного наречия, Тнг — тунгирский говор восточного наречия, Тт — тоттинский говор восточного наречия, Урм — урмийский говор восточного наречия, Учр — учурский говор восточного наречия, Члм — чульманский говор восточного наречия, Чмк — чумиканский говор восточного наречия

Эвенский язык

Алл — аллайховский говор среднего наречия, Арм — арманский диалект (язык. — А. П.), Б — быстринский говор восточного наречия, М — момский говор среднего наречия, Ол — ольский говор восточного наречия, Ох — охотский говор восточного наречия, П — пенжинский говор восточного наречия, Ск — саккырырский говор западного наречия, Т — томпонский говор среднего наречия.

Литература

- Аврорин 1961 — В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка. Т. 2. Морфология глагольных и наречных частей речи, междометий, служебных слов и частиц. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1961.
- Аврорин, Лебедева 1968 — В. А. Аврорин, Е. П. Лебедева. Ороцкий язык // П. Я. Скорик (отв. ред.). Языки народов СССР. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Т. V. Л.: Наука, 1968. С. 191–209.

- Аврорин, Лебедева 1978 — В. А. Аврорин, Е. П. Лебедева. Ороческие тексты и словарь. Л.: Наука, 1978.
- Василевич 1969 — Г. М. Василевич. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). Л.: Наука, 1969.
- Кормушин 1998 — И. В. Кормушин. Удыхейский (удэгейский) язык. М.: Наука, 1998.
- Новикова 1980 — К. А. Новикова. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор: глагол, служебные слова, тексты, глоссарий. Л.: Наука, 1980.
- Суник 1968 — О. П. Суник. Ульчский язык // П. Я. Скорик (отв. ред.). Языки народов СССР. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Т. V. Л.: Наука, 1968. С. 149–171.
- Цинциус 1982 — В. И. Цинциус. Негидальский язык. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1982.

Источники

- Василевич 1958 — Г. М. Василевич (сост.). Эвенкийско-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958.
- Горцевская и др. 1958 — В. А. Горцевская, В. Д. Колесникова, О. А. Константинова (сост.). Эвенкийско-русский словарь. Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1958.
- Захаров 1875 — И. Захаров. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб.: Б. и., 1875.
- Мырсева 2004 — А. Н. Мырсева. Эвенкийско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2004.
- Оненко 1980 — С. Н. Оненко. Нанайско-русский словарь. М.: Русский язык, 1980.
- В. А. Роббек, М. Е. Роббек 2005 — В. А. Роббек, М. Е. Роббек. Эвенско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2005.
- Романова, Мырсева 1968 — А. В. Романова, А. Н. Мырсева. Диалектологический словарь эвенкийского языка. Материалы говором эвенков Якутии. Л.: Наука, 1968.
- ССТМЯ 1975 — В. И. Цинциус (отв. ред.). Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Т. I. Л.: Наука, 1975.
- ССТМЯ 1977 — В. И. Цинциус (отв. ред.). Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Т. II. Л.: Наука, 1977.
- Шнейдер 1936 — Е. Р. Шнейдер. Краткий удэйсско-русский словарь с приложением грамматического очерка. М.; Л.: Учпедгиз, 1936.
- Этимологический словарь тюркских языков 1989 — Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й». Авторы словарных статей: Э. В. Севортян, Л. С. Левитская. М.: Наука, 1989.

- Do-Dorji 1998 — 杜·道尔基 编著. 鄂汉词典. 海拉尔: 内蒙古文化出版社, 1998 [Du Dao'erji bianzhe. E-Han cidian. Haila'er: Nei Menggu wenhua chubanshe, 1998. До Дорджи (сост.). Солонско-китайский словарь. Хайлар: Культура Внутренней Монголии, 1998].
- Ikegami 1997 — Jirô Ikegami. A dictionary of the Uilta language spoken on Sakhalin. Sapporo: Hokkaido University Press, 1997.
- Shirokogoroff 1944 — S. M. Shirokogoroff. A Tungus dictionary. Tungus-Russian and Russian-Tungus. Tokyo: Minzokugaku kyōkai, 1944.

References

- Avrorin 1961 — V. A. Avrorin. *Grammatika nanayskogo yazyka. Tom 2. Morfologiya glagolnykh i narechnykh chastei rechi, mezhdometi, sluzhebnykh slov i chastits* [Grammar of the Nanai language. Vol. 2. Morphology of the verbal and adverbial parts of speech, of interjections, function words and particles]. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1961.
- Avrorin, Lebedeva 1968 — V. A. Avrorin, Ye. P. Lebedeva. *Orochskiy yazyk* [The Oroch language]. P. Ya. Skorik (ed.) *Yazyki narodov SSSR. Mongolskiye, tunguso-manchzhurskiye i paleoaziatskiye yazyki* [Languages of the peoples of the USSR. Mongolic, Manchu-Tungusic, and Paleo-Asiatic languages]. Vol. V. Leningrad: Nauka, 1968. P. 191–209.
- Avrorin, Lebedeva 1978 — V. A. Avrorin, Ye. P. Lebedeva. *Orochskiy teksty i slovar* [Oroch texts and dictionary]. Leningrad: Nauka, 1978.
- Kormushin 1998 — I. V. Kormushin. *Udykheyskiy (udegeyskiy) yazyk* [The Udykhe (Udege) language]. Moscow: Nauka, 1998.
- Novikova 1980 — K. A. Novikova. *Ocherki dialektov evenkogo yazyka. Olskiy govor: glagol, sluzhebnyye slova, teksty, glossariy* [Essays on dialects of the Ewen language. Ola dialect: verb, function words, texts, glossary]. Leningrad: Nauka, 1980.
- Sunik 1968 — O. P. Sunik. *Ulchskiy yazyk* [The Ulcha language]. P. Ya. Skorik (ed.) *Yazyki narodov SSSR. Mongolskiye, tunguso-manchzhurskiye i paleoaziatskiye yazyki* [Languages of the peoples of the USSR. Mongolic, Manchu-Tungusic, and Paleo-Asiatic languages]. Vol. V. Leningrad: Nauka, 1968. P. 149–171.
- Vasilevich 1969 — G. M. Vasilevich. *Evenki. Istoriko-etnograficheskiye ocherki (XVIII — nachalo XX veka)* [Ewenki. Historical and ethnographical studies (XVIII — beginning of the XX century)]. Leningrad: Nauka, 1969.